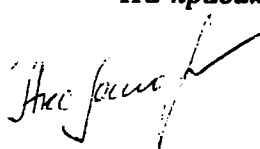

0-787735

На правах рукописи

АКСАНОВ Анвар Васильевич

**МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(1445—1552 гг.)**

Специальность 07.00.02 — отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Тюмень — 2011

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО
«Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
ПАШИН Сергей Станиславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
СОЛОДКИН Янкель Гутманович

кандидат исторических наук, доцент
СУЭТИН Алексей Владимирович

Ведущая организация: ФГАУ ВПО «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Защита состоится 12 мая 2011 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан 11 апреля 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000666055

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор*

Сокова 3.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Процесс формирования многонационального Российского государства является одной из главных тем отечественной исторической науки. У истоков российской государственности стоит взаимодействие Руси с тюрко-татарскими ханствами, образовавшимися в результате распада Золотой Орды. Присоединение народов Поволжья, явившееся следствием развития московско-казанских отношений, трансформировало Русь из Русского государства в Российское царство. Эти перемены осознавались как современниками, так и потомками.

Именно поэтому московско-казанские отношения XV-XVI вв. всегда привлекали внимание исследователей. Ученые — в силу недостаточности сведений, из-за проблем интерпретации средневековых источников, под влиянием социально-политических и других обстоятельств — по-разному характеризовали отношения двух государств. При этом зачастую мало внимания уделялось вопросам текстологии и интерпретации известий, что создавало непреодолимые трудности на пути понимания нарративных памятников, составивших основной корпус источников по изучаемой теме. В итоге неясными оставались не только причины московско-казанских конфликтов, но и многие событийные сюжеты. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть сообщения о московско-казанских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа. Данный научный подход позволяет раскрыть смысловую нагрузку известий, избежать модернизации исторических явлений и верифицировать результаты исследований многих поколений историков XVIII — начала XXI веков.

Тема исследования актуальна и для национального самосознания россиян. В поисках решения национальных проблем политические деятели часто обращаются к историческому опыту образования и развития полиэтнических государств. Очевидно, что в этих условиях необходимо представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность, поэтому изучение московско-казанских отношений имеет большое значение для понимания процесса складывания многонационального российского общества.

Объектом исследования выступает внешняя политика Московского государства и Казанского ханства. В центре внимания

находится изучение исторического процесса — хода московско-казанских отношений — через восприятие этого процесса средневековыми книжниками. Таким образом, **предметом исследования** является репрезентация московско-казанских отношений в исторических источниках.

Хронологические рамки исследования охватывают 1445-1552 годы. Нижняя временная граница обусловлена образованием Казанского ханства. Верхняя граница определяется падением Казанского ханства в 1552 г. и его окончательным исчезновением как субъекта международных отношений.

Территориальные рамки исследования включают земли Московского княжества — Русского государства — в границах второй половины XV — первой половины XVI в. и территорию Казанского ханства.

Цель исследования состоит в попытке воссоздания картины московско-казанских отношений путем реконструкции источниковых репрезентаций.

Достижение поставленной цели требует решения следующих исследовательских задач:

- показать становление московско-казанских отношений;
- проследить процесс формирования политической зависимости Казани от Москвы и определить условия этой зависимости;
- раскрыть особенности московско-казанских отношений в период правления в Казани крымской династии;
- установить основные причины, обусловившие падение Казани.

Состояние научной разработки проблемы. Изучение московско-казанских отношений XV-XVI вв. имеет давнюю традицию. В дореволюционной историографии московско-казанские отношения, как правило, не были предметом специального научного исследования, данная проблема рассматривалась лишь в русле изучения более глобальных вопросов. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский и некоторые другие историки считали, что Казанское ханство было типичным осколком Золотой Орды, унаследовавшим, вместе с другими ханствами, враждебную политику по отношению к Руси.

В конце XIX — начале XX в. сформировалась татарская историческая наука. Историю Казанского ханства изучали И. Хальфин,

Х. Амирханов, Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Г. Баттал, Г. Губайдуллин, Х. Атласи и другие национальные исследователи, которые зачастую обвиняли в разжигании войн не казанских ханов, а московское правительство, противопоставляя свое мнение русской традиции историописания.

Общим местом в трудах упомянутых историков является преувеличение роли личности правителей. «Воля» государя словно определяла ход московско-казанских отношений и российской истории. Данное обстоятельство, скорее всего, было обусловлено господством монархической идеологии, приверженцами которой было большинство дореволюционных историков. Ученые переносили свои взгляды о роли монарха в современной им России на отдаленные эпохи.

В советское время данную тематику, так или иначе, разрабатывали М.Н. Покровский, Н.Н. Фирсов, М.Г. Худяков, К.В. Базилевич, В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский, Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов, И.Б. Греков, А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич и другие ученые.

В 1920-е годы отечественная историческая наука переживала методологическую перестройку на марксистский лад. В русле этого учения М.Г. Худяков выявил экономическую основу Казанского ханства — торгово-промышленный характер производства с большой ролью рабства. Логика исследователя такова: в результате московско-казанских войн в руки татар попадали русские пленники, следовательно, целью казанцев были рабы для ремесленного производства; в Казани была развита торговля, поэтому рабы могли идти и на продажу в Орду. Ученый говорил о том, что Русское государство боролось с практикой работорговли и рабовладения, поэтому конфликтовало с восточным соседом. Все эти рассуждения сводились к мысли об антагонизме рабовладельческой Казани и феодальной Москвы, причем историк пытался совместить информацию из официальных и провинциальных летописей, порой противоречащих друг другу¹.

Труд М.Г. Худякова является первым фундаментальным исследованием по данной проблематике и имеет ряд неоспоримых достоинств. Ученый предложил обоснованную периодизацию истории Казанского ханства, с незначительными поправками принятую сле-

¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

дующими поколениями историков. Ему удалось дополнить картину событий множеством новых фактов и составить одно из самых подробных повествований, содержащее немало научных гипотез. Наконец, он впервые внимательно рассмотрел внутривосточную жизнь Казанского ханства, показав ее в контексте межгосударственных отношений.

Советские историки, руководствуясь догмами марксизма, пытались найти социально-экономическое объяснение московско-казанскому противостоянию. В 1930-е гг. возродился популярный до революции тезис о татарской угрозе, который со второй половины 1940-х гг. получил новое развитие. Утверждалось, что Казанское ханство попало под османский протекторат, поэтому войны с Казанью рассматривались как эпизоды борьбы с турецкой экспансией. Так родился историографический миф о турецком факторе московско-казанских отношений, принятый на вооружение многими историками и окончательно развенчанный только в начале XXI века.

В 1950-1980-е годы историки говорили как о враждебной политике казанцев, так и об интересах растущего Русского государства². Тогда же получила широкое распространение политически конъюнктурная концепция добровольного вхождения народов Поволжья в состав России. Следуя теории классовой борьбы, историки противопоставляли интересы казанской аристократии, стремившейся к военным грабёжам, и объективные потребности низших слоев населения ханства, втянутого во взаимовыгодные экономические отношения с Русью.

В этот же период наблюдается всплеск интереса к проблематике московско-казанских отношений в англоязычной литературе. Дж. Феннел считал, что Казанское ханство, подобно Золотой Орде, проводило враждебную политику по отношению к Руси, Иван III пытался нейтрализовать Казань и обезопасить восточные и южные границы. Другие историки, подвергнув критике ряд летописных сообщений и сделав акцент на сведениях дипломатических памятников, писали об экспансионистских устремлениях окрепшего Русского государства³.

² См. напр.: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. М., 1990.

³ Fennel J. Ivan the Great of Moscow. London, 1961. P. 19-28; Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe

Постсоветский этап в отечественной историографии ознаменовался попыткой переосмысления характера московско-казанских отношений. Переосмысление шло под влиянием разных политических концептов. Казанские историки обратили внимание на агрессивные действия московского правительства, представляли жителей ханства жертвой враждебной политики западного соседа и говорили о разрушении культурной самобытности народов Среднего Поволжья⁴.

В те же годы В.В. Каргалов, В.Д. Назаров и другие авторы интерпретировали факты в совершенно ином ключе. Они считали, что Москва вела сугубо оборонительные войны, и завоевание Казани было актом защиты русских земель⁵. В противовес им Р.Г. Скрынников и Э.С. Кульпин, как и многие татарские ученые, виновниками развязывания конфликтов считали русских дворян, желавших приобрести земли в Среднем Поволжье⁶.

Для объективного рассмотрения присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству Институт российской истории РАН 14 ноября 2002 г. провел «круглый стол» с участием ведущих специалистов по данной проблематике. В результате дискуссии участники «круглого стола» согласились с тем, что добровольного вхождения народов Казанского ханства в состав России не произошло: чуваш и марийцы, проживавшие на правом берегу Волги, приняли русское подданство в условиях военно-дипломатического давления Москвы, а левобережные народы были подчинены в ходе боевых действий. Не вызвал возражений и тезис о слабости турецких позиций в Среднем Поволжье. Однако, сойдясь на мысли о недопустимости политизации

Diplomacy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548-558; Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 577-583.

⁴ См. напр.: Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI веках. Казань, 1995; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000.

⁵ Каргалов В.В. На границе стоять крепко!: Великая Русь и Дикое поле: противостояние XII-XVIII веков. М., 1998; Назаров В.Д. Государь «всёя Руси» // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001. С. 317, 334.

⁶ Скрынников Р.Г. История Российская. IX-XVII века. М., 1997. С. 276; Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М., 1998. С. 158-160.

исторических событий, исследователи не пришли к общему заключению относительно факторов, обусловивших московско-казанские столкновения⁷.

А.Г. Бахтин писал, что «активизация политики России в отношении с Казанским ханством объясняется желанием избавить страну от даннической зависимости, столкновением интересов Москвы и Казани за контроль над Вятской землей, необходимостью устранения угрозы вторжений казанцев в приграничные области и освобождения многочисленных пленных»⁸.

Д.А. Котляров детально проанализировал московско-казанские отношения, начиная с момента возникновения Казанского ханства и заканчивая завоеванием Казани в 1552 году. Согласно ему, московско-казанские столкновения были обусловлены грабительскими действиями, «которые направляла верхушка Казанского ханства». Ученый утверждал, что со времен Ивана III до середины 1540-х гг. московскому правительству удавалось поддерживать контроль «за политической жизнью в Поволжье». В середине XVI в. «основная масса русского населения» поддержала «принятый правительством курс на ликвидацию очага военной опасности в Среднем Поволжье и создание условий для мирного взаимодействия с поволжскими народами»⁹.

В современной англоязычной историографии московско-казанские отношения рассматривались лишь в контексте изучения российской истории и других проблем¹⁰.

⁷ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М., 2003.

⁸ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV-XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197.

⁹ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 290-292.

¹⁰ См. напр.: Ostrovski D. Muscovy and Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589. Cambridge, 1998; Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500-1800. Bloomington, 2002; De Madariaga I. Ivan the Terrible. New Haven; London, 2005; Riasanovsky N., Steinberg M. A history of Russia. New York, 2005; Findley C. Turks in world history. New York, 2005; Martin J. Medieval Russia: 980-1584. New York, 2007.

Отечественные и зарубежные историки, руководствуясь разными оценочными принципами, пытались достичь общей цели — реконструировать московско-казанские отношения. При этом мало внимания уделялось текстологии летописных известий. Ученые, подчас не аргументируя свой выбор, отдавали предпочтения сообщениям то одного, то другого свода. Если Н.М. Карамзин, К.В. Базилевич, А.Г. Бахтин и Д.А. Котляров опирались на известия великокняжеского летописания, то С.М. Соловьев, М.Г. Худяков и С.Х. Алишев, пытаясь опровергнуть некоторые устоявшиеся мнения, делали ставку на Новгородскую и Устюжскую летописи. На позицию исследователей оказывала влияние и идейная парадигма той или иной эпохи. Дореволюционные авторы черпали факты из источника, создавая историю монархии; советские ученые изображали картину московско-казанских отношений, используя сведения, прошедшие через фильтр марксистской теории, а историки постсоветского времени нередко уходили в крайности под влиянием политической конъюнктуры.

Теория и методология исследования. Ученые признавали инвариантность исторического прошлого, однако в источниках это прошлое отражено неодинаково, а временами и противоречиво, что вынуждало подчас пренебрежительно относиться к известиям одних летописей и считать за правдивые сообщения других сводов. Критерием достоверности, как правило, был «здравый смысл» — рационалистические убеждения ученого, способные отделить факт от вымысла. Летописные известия рассматривались через призму «здравого смысла», в основе которого, по словам М. Блока, лежат наблюдения, возведенные в ранг вечных истин, неизбежно берущиеся «из очень краткого периода, а именно — нашего»¹¹. Подобный подход к изучению прошлого создает множество трудностей на пути к пониманию источника: новейшие исследования памятников древнерусской литературы показали, что летописные известия в большей степени отражают факты сознания книжников, нежели объективную историческую реальность. Дело в том, что русские средневековые авторы не столько пытались показать реальность, «как это было на самом деле», сколько стремились осмыслить историческую данность через призму идей Священного Писания. Поэтому едва

¹¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 48.

ли стоит говорить о возможности объективно реконструировать ход московско-казанских отношений. В связи с этим, в основе настоящего исследования лежит иной принцип научного анализа, согласно которому «источник — самоцель познания и единственная реальность, несущая в себе собственные и исчерпанные (т.е. самодостаточные) смыслы»¹².

Реализация подобного подхода требует герменевтического анализа текстов, который дает иное прочтение источников и решает некоторые историографические проблемы. В работе применяется методика генетического анализа текста, построенного на центонно-парафрадном принципе, которая была апробирована на материалах раннего русского летописания И.Н. Данилевским¹³. Согласно данной теории, любая летопись — это сложное мозаичное произведение. Она состоит из набора инкорпорированных в нее частей других произведений — прямых и косвенных цитат — центонов и парафразов. Выдержки из различных источников сохраняют смысл первоначального контекста, при этом они в своем новом, суммарном сочетании образуют новое семантическое поле, подчиненное замыслу летописания. Установив источник цитаты, можно определить ее первоначальный контекст, а также выявить роль и смысловую нагрузку заимствованного отрывка в произведении средневекового книжника.

Важное значение имеет и текстологический анализ, который применительно к известиям о московско-казанских отношениях на должном уровне не проводился. Учитывая достижения источниковедческих работ, требуется провести текстуальный сравнительный анализ, что, в свою очередь, поможет проследить генеалогию и эволюцию известий, определив степень взаимозависимости одного сообщения перед другим. Только основываясь на результатах семантического (герменевтического) и текстологического анализов, выявив сходства, различия и факторы осмысления событий, можно приступить к реконструкции картины прошлого.

Наряду с этим, в работе использовались специальные исторические методы и приемы: историко-генетический (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в

¹² Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 49.

¹³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.

процессе ее исторического движения), сравнительно-исторический (сопоставление одновременных и разновременных явлений, а также их пространственно-временных характеристик) и другие. Приоритет в исследовании отдавался хронологическому принципу изложения и структурирования материала.

Источники. Основу источниковой базы настоящего исследования составляют русские летописи XV-XVI веков. Наиболее информативными являются официальные летописи: Московский летописный свод конца XV в., Сокращенные своды 1493 и 1495 гг., Летописные своды 1497 и 1518 гг., Софийская вторая, Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская и Львовская летописи, а также Владимирский летописец и Степенная книга. Независимые известия, во многих случаях несущие уникальную информацию, содержатся в Ермолинской, Типографской, Новгородской (по списку П.П. Дубровского) и Устюжской летописях.

Важное место в исследовании занимает «Казанская история» — пространное полисемантическое произведение, почти целиком посвященное описанию московско-казанских отношений и содержащее немало уникальных сведений. Впрочем, следует отметить, что война 1467-1469 гг. и некоторые другие события остались без внимания автора «Истории». К тому же, его повествование не всегда имеет четкую хронологическую последовательность и датировку.

К сожалению, не сохранился дипломатический архив так называемых «казанских дел», но в нашем распоряжении имеются полезные сведения из посольских документов по связям Русского государства с другими странами. Наиболее важными представляются памятники отношений с Крымским ханством и Ногайской Ордой, оказавших наиболее серьезное влияние на ход московско-казанских отношений. Многие документы посольского архива XV-XVI вв. опубликованы. Некоторые из интересующих нас грамот хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Эти документы не только отражают внешнеполитические устремления государств Восточной Европы, но и показывают представления о нормах международных отношений того времени. Они важны и с точки зрения верификации летописных сведений, поскольку зачастую имеют независимое происхождение.

Немало полезных сведений можно почерпнуть из разрядных книг, зачастую содержащих более подробную информацию о составе русских войск, чем официальные своды.

В исследовании используются сведения С. Герберштейна, И. Барборо, М. Меховского, А. Кампензе и других иностранцев, которые рассказывают как о внутреннем устройстве Московского государства, так и о его международном положении. Уникальные известия о московско-казанской войне 1549–1550 гг. несет произведение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан», созданное очевидцем событий — астраханским мыслителем Х. Шерифи.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии московско-казанские отношения изучаются с помощью методов герменевтики и на основании детального текстологического анализа. Заявленный научный подход позволяет не только раскрыть или уточнить семантику известий, но и пересмотреть картину московско-казанских отношений XV–XVI вв., созданную трудами многих поколений ученых.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории России и международных отношений, а также при подготовке общих и специальных вузовских курсов по отечественной истории.

Апробация результатов исследования. Полученные в диссертации выводы нашли отражение в 18 научных публикациях. Отдельные положения диссертации были представлены в докладах на 1 международной и 9 всероссийских научных конференциях в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Нижневартовске, Тольском и Тюмени.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновываются актуальность темы и ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, указываются его хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи исследования, показан его методологический аппарат, характеризуется состояние научной разработки проблемы и ее источниковая база.

В **первой главе** — «**Становление московско-казанских отношений (1445–1487 гг.)**» — уделено внимание проблеме обра-

зования Казанского ханства, подробно рассматриваются межгосударственные контакты 1467-1487 гг., которые привели к установлению политической зависимости Казани от Москвы.

После смерти свергнутого ордынского хана Улу-Мухаммеда его старший сын Махмуд утвердился на казанском престоле, а младший — Касим, заняв «Мещерский юрт», остался служить Василию II. Первым крупным столкновением, попавшим в поле зрения большинства книжников, является московско-казанская война 1467-1469 годов. Московский летописец сообщает о причине похода на Казань: «а позван был царевич (Касим. — А.А.) от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лествю». Ученые, понимая слова летописца буквально, то писали, что Касим был обманут, то говорили о расколе казанской аристократии на сторонников и противников московского влияния.

Однако летописец осмыслял сообщение о приглашении Касима «от цареи... на царство лествю» в свете библейских предсказаний о приходе отступников, оскверняющих истинную веру. В Московском летописном своде конца XV в. казанцы выступают «отступниками», «осквернителями святыищ» и «нарушителями завета». Православные христиане, предприняв поход на татар, сделали то, что им предписывалось в Священном Писании. Таким образом, с помощью методов герменевтики было установлено, что известие о приглашении Касима на казанский престол в контексте ветхозаветного пророчества указывает на негативные качества казанцев, а не на раскол в кругах татарской аристократии, как полагали историки.

Походы русских войск на Казань 1478 и 1482 гг. не вызвали интереса у большинства летописцев и, судя по всему, не имели успеха. В 1485 и 1486 гг. великокняжеские силы поддержали Мухаммед-Эмина в борьбе за казанский престол. Однако только в 1487 г. московское правительство решило задачу, поставленную в 1467 г. — посадить в Казани лояльного хана и укрепить свое влияние в регионе в целом.

Сообщение о походе на Казань в 1487 г. предваряется известием о вероломстве хана Али, который, намереваясь расправиться с казанскими князьями — сторонниками московского ставленника, собрал их на пир. Смысл данного летописного известия раскрывается в контексте «Рассказа о преступлении рязанских князей», где повествуется о том, что в 1217 г. князь Глеб Владимирович с братом

Константином задумали убить своих братьев на пиру и получить всю власть. По словам книжника, они действовали, прельстившись дьяволом.

Помимо сходства основной сюжетной линии, сообщение о походе на Казань 1487 г. и «Рассказ о преступлении рязанских князей» сближают такие детали, как упоминание братской вражды и дня святого Ильи. Поэтому можно предположить, что автор статьи «О Казанском взятии» апеллировал к «Рассказу о преступлении рязанских князей». В итоге мы обнаруживаем несколько нравственных категорий, характеризующих личность свергнутого в 1487 г. казанского хана Али: он действовал по сговору с дьяволом, против Божьей воли. Общая логика летописного рассказа сводится к тому, что хан Али приговорил себя к возмездию, а великий князь восстановил справедливость, реализовал Божий промысел — посадил грешника в заточение, обеспечив ему «муку вечную».

Во второй главе — «Период зависимости Казани от Москвы (1487—1521 гг.)» — изучаются отношения двух государств в условиях расширения политического влияния московского правительства в Казанском ханстве.

В 1491 г. войска казанского хана Мухаммед-Эмина совместно с русскими участвовали в походе против Большой Орды. Однако уже в 1496–1497 гг. разгорелся очередной конфликт вокруг казанского престола: шибанский хан Мамук изгнал Мухаммед-Эмина, но вскоре, благодаря поддержке великокняжеских сил, в Казани утвердился власть другого московского ставленника — хана Абдул-Латифа. При описании этих событий официальные летописцы, используя эпитеты и парафразы из Священного Писания и указывая на судьбу Иерусалима и других «городов-изменников», показали, что Казань — город «грешников-нечестивцев», обреченный на разрушение и опустошение; спасти его может только покровительство православного государя. Таким образом, в официальном летописании созрела концепция мирного сосуществования двух государств, при условии полного подчинения казанского хана великому князю.

В 1505 г., одновременно с ухудшением самочувствия Ивана III, обострились и московско-казанские отношения. Зависимость от Москвы тяготила правительство Мухаммед-Эмина, и как только власть великого князя ослабела, казанцы начали войну против западного соседа. Все официальные летописи признают, что война 1505-

1506 гг. была развязана казанским ханом, «отступившим» от великого князя, и закончилась полным разгромом русских войск. Однако имеются некоторые расхождения по вопросу о причинах поражения. Составители свода 1518 г. и Софийской второй летописи указали на тактические ошибки русских воевод, послушавшихся приказа свыше, а создатели Воскресенской и Никоновской летописей, используя библейский тезис о «никем же гонимых», показали религиозные причины поражения — по их мнению, русские понесли наказание за свои грехи. О грехопадении москвичей во время похода 1506 г. говорилось и в таких памятниках, как Новгородская летопись (по списку П.П. Дубровского) и «Казанская история».

Стороны заключили мирный договор после продолжительных переговоров в 1512 г., однако Мухаммед-Эмин признал право Василия III выбирать ханов на казанский престол только в 1516 г. — в обмен на освобождение своего брата Абдул-Латифа. В 1519 г., после смерти Мухаммед-Эмина, казанцы, соблюдая условия договора 1516 г., приняли ставленника Москвы — служилого царевича Шах-Али. Но этот режим оказался непрочным — в 1521 г. Шах-Али пришлось покинуть престол.

В третьей главе — «Правление крымской династии в Казани и московско-казанские отношения (1521–1549 гг.)» — анализируется изменение характера отношений двух государств в годы правления крымских ханов.

Московские летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что свидетельствовало о распространении владительных прав великого князя на Казанское ханство. В годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике московско-казанских отношений получило широкое распространение. Для политической элиты Русского государства неравноправные отношения с Казанью стали нормой. Однако с 1521 г. правящие круги Казанского ханства стали приглашать на трон представителей крымской династии. В результате возник конфликт.

Лишь однажды, после крупномасштабной войны, правительству Василия III удалось навязать казанцам своего ставленника Джан-Али. При этом в Казани нашлось немало знатных татар, не поддержавших политику крымских ханов. Некоторые из них сразу покинули Казань, другие эмигрировали, перейдя в 30-40-е гг. XVI в. на

службу к великому князю. Большинство переселенцев пыталось сохранить свою веру и образ жизни, что, несомненно, сказалось на социокультурном облике служилого населения Русского государства.

Характер московско-казанских отношений существенно повлиял и на хозяйственную жизнь государств. Большинство военных столкновений 1521–1530 гг. произошло на землях, подчиненных Казани, однако не стоит делать вывод, что пострадали лишь жители ханства — столь масштабные военные усилия не могли не отразиться на экономике Руси. Вдобавок ко всему, после переноса Казанской ярмарки — по инициативе Василия III — были испорчены торговые отношения. Во второй половине 1530-х — начале 1540-х гг. казанцы, воспользовавшись политической нестабильностью в Москве, осуществили ряд набегов на окраины Русского государства. Хан Сафа-Гирей рассчитывался за крымскую помощь не только ясаками с казанских земель — дополнительным источником на некоторое время стали грабительские походы в русские земли. Все же не надо преувеличивать роль таких доходов, говоря об их структурообразующем значении для экономики ханства, поскольку даже известия русских летописей указывают на территориальную и временную локализацию казанских набегов.

Четвертая глава — «Падение Казани (1549–1552 гг.)» — посвящена переломному моменту в противостоянии двух государств, когда русская сторона окончательно завладела стратегической инициативой в войне. Здесь исследуются перемены в завоевательной стратегии Москвы после второго неудачного похода Ивана IV и последующие события, связанные с покорением Казани.

Многие историки, описывая поход царских войск на Казань в 1549–1550 гг., вслед за официальными книжниками, умалчивали об ожесточенных боевых действиях и причиной неудачи выставляли неблагоприятные погодные условия. Однако ряд текстуально независимых известий (сообщения Х. Шерифи, А.М. Курбского, составителя Хронографа и автора «Казанской истории») говорят об отступлении русских войск в результате масштабных сражениях, приведших к серьезным потерям с обеих сторон.

Залогом победы в 1552 г. была реализация плана по строительству Свияжска, на базе которого русские силы непрерывно проводили военные операции в регионе. Это привело к подчинению Горной стороны и разорению прочих улусов. Немаловажным фактором стала

и деятельность Шах-Али по подрыву военного потенциала ханства. Безусловно, причиной падения Казани были и внутренние распри, подогреваемые военно-дипломатическим и финансовым влиянием Москвы.

2 октября 1552 г. взрыв крепостных стен Казани стал сигналом к началу штурма. Находившегося на литургии царя дважды просили выехать к войску, но он, отказываясь прерывать богослужение, со слезами на глазах молил Христа, Богоматерь и преподобного Сергия о помощи. И только после окончания литургии, получив благословение от протопопа Андрея, государь поехал к своему полку.

Некоторые исследователи на основе буквальной интерпретации данного известия сделали вывод о личностных качествах Ивана IV. Например, по мнению Р.Г. Скрынникова, «промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках». С.Х. Алишев писал о проявлении малодушия царя в часы последнего штурма.

Однако представленное сообщение имеет ряд семантических параллелей с известиями о воинских подвигах праотцев царя, на фоне которых актуализируются другие смыслы. Действия Ивана IV сильно напоминают поведение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы и Ивана III перед походом на Угру. Предки царя также, откладывая выступление, со слезами на глазах подолгу молились Христу, Богоматери и православным святым.

Ключ к пониманию подобного промедления сокрыт в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал в Троицкий монастырь за благословением, ему сообщили, «яко уже приближаются погании половци». Великий князь стал торопиться и просить преподобного Сергия отпустить его, на что старец ответил: «Се ти замедление сугубо ти поспешение будет». В разгар Куликовской битвы, когда инициатива стала переходить к противнику, князь Владимир Андреевич порывался выйти с засадным полком на помощь основным силам. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский, развивая мысль Сергия Радонежского, остановил князя словами: «Беда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себе приемлеть».

Таким образом, летописцы, говоря о промедлении царя во время штурма Казани, не пытались показать его малодушие, а стремились разъяснить читателю, что государь проявил мудрость: поступил согласно совету преподобного Сергия и по примеру великих праот-

цев — дождался часа снисхождения Божьей помощи, обретя победу над врагом. Вместе с тем, это еще один элемент, связывающий события из разных веков. Такое сопоставление давало понять, что Иван IV завершил дело, начатое русскими князьями в 1380 г., то есть Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани — это сражения одной войны — за истинную веру и освобождение от татар.

В заключении подводятся итоги исследования. Анализ источников выявил серьезные разногласия в русском летописании при освещении московско-казанских отношений. Характер летописных известий зависел как от осведомленности книжников, так и от их политических пристрастий и интеллектуального багажа. Русские средневековые авторы, стремясь показать подлинную картину московско-казанских отношений, осмыслили историческую данность через призму идей христианской космологии.

Результаты текстологического и герменевтического анализ источников продемонстрировали ограниченность или несостоятельность некоторых научных репрезентаций и теорий. Так, мы не можем делать однозначных выводов относительно первых крупных столкновений Москвы и Казани.

На страницах официального летописания разворачивается грандиозное полотно конфликта 1467-1469 годов. Апеллируя к текстам Священного Писания и памятникам патристики, древнерусские книжники оценивали «первую» московско-казанскую войну как «дело защиты русских земель», придавая ей религиозный характер: единая православная Русь противопоставлялась «окаянным татарам».

Принципиально иное представленное об этих событиях было сформировано в конце XV в. в Ермолинской летописи, которая не идеологизирует войну 1467-1469 гг. и не придает ей общерусский характер. Война расценивается как столкновение казанцев с москвичами, в результате враждебных действий последних. Примерно в том же духе охарактеризовали отношения двух государств новгородские и устюжские книжники. Они показали неудачные действия московских воевод и, в целом, согласились с ермолинской трактовкой «первой казанской войны».

Следовательно, нельзя сказать, что походы великокняжеских войск 1467-1469 гг. преследовали сугубо оборонительные цели — также, как некорректно утверждать обратное. Неясны и обстоятельства войны, так

как одна группа источников говорит об успешных действиях воевод, а другая показывает поражение русских.

Вероятнее всего, в основе межгосударственного конфликта лежала конкуренция в политической и торговой сферах. Оба государства боролись за влияние в Вятской и Пермской землях. В 1467–1469 гг., в результате действий Ивана III по поддержке хана Касима, конфликт вылился в военное противостояние. В то же время, нельзя согласиться с мнением историков о том, что великий князь воспользовался разделением казанской аристократии на партии. Сообщение о «лести Абдул-Мамона» является парафразом из Библии и скорее указывает на религиозный смысл войны, нежели на раскол среди казанцев. Это подтверждается и тем, что в ходе войны казанцы выступили единым фронтом. В результате Москве не удалось посадить своего ставленника на казанский престол — между государствами был заключен мирный договор, о сути которого ничего не известно.

Много вопросов вызывают события 1478 года. Историки, невзирая на расхождения в источниках, сошлись на мнении, что в 1478 г. напавшим на Вятку казанцам не удалось взять город, а поход москвичей на Казань завершился подписанием договора на условиях великого князя. Подобные выводы противоречат более ранним официальным известиям. Поэтому сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, как и об исходе экспедиции москвичей на Казань. Ясно лишь, что в 1478 г. произошло очередное московско-казанское столкновение на почве борьбы за Вятскую землю.

Вопрос о взятии Казани русскими войсками в 1487 г. вызвал еще больше разночтений в летописании. Автор Московского свода конца XV в. охарактеризовал события 1487 г. как военную операцию, направленную на подавление мятежа. По его мнению, в 1487 г. казанцы изменили великому князю, в результате чего началась война, завершившаяся захватом Казани. С данным мнением согласились создатели свода 1497 г., Новгородской, Воскресенской и Никоновской летописей.

Авторы свода 1518 г., Софийской второй и Львовской летописей описали войну 1487 г., не отступая от политико-религиозных идеологем рассказа о «первой казанской войне». Они указали на то, что главной причиной военного столкновения 1487 г. было грехопадение казанского хана Али. Исход войны 1487 г. воспринимался как важное событие в истории Русского государства, знаменующее

покорение Казани. В результате, официальные летописцы первой четверти XVI в. превозносили событие, не столь высоко оцененное современниками.

Десакрализированный вариант известия «О казанском взятии» 1487 г. содержится в Устюжской летописи, на страницах которой представлено продолжительное военное противостояние и последовавшее за ним падение Казани.

В 60-е годы XVI в. автор «Казанской истории» придал новую трактовку событиям 1487 года. Согласно его суждению, взятие Казани 1487 г. было важным событием на пути освобождения Руси от ордынского ига. Впрочем, данная интерпретация не получила дальнейшего распространения и не стала частью летописной традиции историописания.

По документам посольского архива, в 1487 г. Иван III оказал военную поддержку Мухаммед-Эмину в борьбе с его братом — ханом Али, причем великий князь помог Мухаммед-Эмину занять казанский престол ради укрепления союза с крымским ханом.

Источники единодушны лишь в том, что в 1487 г. русские войска взяли Казань и пленили хана Али. Иными словами, военно-дипломатические усилия, предпринятые в 1485–1487 гг., были более результативными, чем кампания 1467–1469 гг. и поход 1478 года. Иван III посадил Мухаммед-Эмина на престол и ввел ханство в фарватер московской политики. Казань, наряду с Крымским ханством, стала союзником Москвы в борьбе с Большой Ордой.

Официальные книжники XVI в. имели общее мнение относительно событий 1496 г., когда русские воеводы осуществили поход на Казань с целью поддержать власть московского ставленника. Используя эпитеты и парафразы из Библии, они показали, что Казань является «городом-изменником», спасти который может только покровительство православного государя.

В 1496–1497 гг. на казанском престоле побывали три хана. После свержения Мухаммед-Эмина на трон сел шибанский хан Мамук, которого вскоре сменил Абдул-Латиф. Исследователи видели в этих событиях борьбу за власть между московской и восточной партиями казанской аристократии. Однако источники, говоря об «изменах» казанцев и насилиях, учиненных ханами, указывают на отрицательные качества всех татар, не разделяя их на группировки противников и сторонников великого князя. Более того, активными проводниками

всех политических перемен того времени были одни и те же представители казанской аристократии, что еще раз опровергает гипотезу о расколе элиты. Вероятнее всего, заговор был направлен не столько против московского влияния, сколько против самого хана Мухаммед-Эмина.

Необходимо согласиться с мнением историков относительно того, что в 1487-1505 гг. зависимость Казани от Москвы была наиболее очевидной. Великий князь влиял на судьбу казанского престола в 1487, 1496 и в 1502 гг.; ханские войска совместно с русскими участвовали в походах против Большой Орды, а в 1496, 1499 и 1500 гг. русские воеводы посылались с целью поддержать власть московского ставленника в Казани. По летописной терминологии, в указанный период московско-казанские отношения строились на основе «правды». В понятие «правда» включались, главным образом, следующие условия: хан должен был избираться по воле великого князя, а его внешняя и внутренняя политика должна проводиться по согласованию с Москвой. Вместе с тем, русское правительство добивалось торговых льгот для своих купцов.

Война 1505-1506 гг., вероятнее всего, стала следствием внутривосточных коллизий в Москве и перемен на международной арене: заключивший договор с внуком Ивана III Дмитрием Ивановичем хан Мухаммед-Эмин отказался признать наследником престола Василия Ивановича. Не препятствовало конфликту и Крымское ханство, превратившееся в соперника Москвы после разгрома Большой Орды в 1502 г. и присоединения к Руси в 1503 г. Стародубских, Новгород-Северских и других земель Великого княжества Литовского. Под влиянием польско-литовской дипломатии против Руси выступили ногайцы, в союзе с казанцами в 1505 г. совершившие неудачное нападение на Нижний Новгород. Успешные оборонительные действия казанцев в 1506 г. и возобновление войны с Литвой в начале 1507 г. вынудили Василия III пойти на мирные переговоры с Мухаммед-Эмином.

Наряду с изменением геополитической ситуации в Восточной Европе, на ухудшение московско-казанских отношений повлияло еще одно важное обстоятельство, не привлекавшее внимания многих исследователей: правительство Василия III в 1519-1521 гг. стремилось не просто восстановить власть над восточным соседом, а, навязывая дополнительные договоры и внимательно отслеживая их выполнение, пыталось ее укрепить, что, возможно, явилось одной

из важнейших причин непопулярности режима Шах-Али и разрыва мирных отношений в 1521 году.

В 1521 г. казанцы отказались от схемы патронатных отношений и пригласили на трон представителей крымской династии, не относившихся к великому князю как к сюзерену. Походы русских войск в 1523-1524 гг. и связанные с ними мирные переговоры не привели к восстановлению «правды» — установлению контроля над Казанью. Не удалось взять Казань и в результате войны 1530 г., впрочем, в ходе мирных переговоров московские дипломаты склонили казанцев к свержению хана Сафа-Гирея. В 1532-1535 гг. казанским ханом был московский ставленник Джан-Али.

Историки, развивая гипотезу о расколе казанской аристократии на две группировки, видели в перевороте 1532 г. победу промосковской партии. Однако русского ставленника Джан-Али поддерживали в 1532 г. и свергли в 1535 г. одни и те же силы. Вероятнее всего, возвращение Казани к политике равноправных отношений было обусловлено ослаблением центральной власти после смерти Василия III.

В 1536-1540 гг. казанский хан Сафа-Гирей совершил ряд походов на русские окраины. В 1538 г. при посредничестве крымского хана между Москвой и Казанью начались мирные переговоры. Русская сторона требовала подчинения ханства на условиях «правды», а казанцы добивались признания Сафа-Гирея и «братских» (равноправных) отношений. Переговоры завершились без видимых результатов в 1542 году.

Последние два десятилетия московско-казанских отношений описаны преимущественно на основании документов царской канцелярии и согласно официальной идеологии. Относительно этого периода повествование московских летописей носит декларативный характер и содержит мало цитат, парафразов, элементов литературного этикета и других средств нарративной иносказательности. Подобный характер источниковой репрезентации обусловил единообразие фактологической стороны исторических изысканий, но не уберег исследователей от расхождений в оценках событий.

В официальных известиях о событиях 1545-1552 гг. выявлены расхождения, изменившие представления о завоевательной стратегии Москвы. Наиболее ранние известия, составленные по горячим следам, отражают политику московского ставленника — хана Шах-Али, направленную на ослабление военного потенциала ханства. Однако

уже в 1560-е гг. московские книжники исключили из летописных текстов сообщение о деятельности Шах-Али и добавили известие о приглашении хана из Ногайской Орды. Тем самым, они указали на заговор казанцев против русского ставленника и скрыли завоевательные планы Москвы, продемонстрировав готовность правительства Ивана IV к мирному диалогу вплоть до весны 1552 года.

В результате работы мы пришли и к иному, чем наши предшественники, пониманию стратегии завоевания Казанского ханства. Первые походы под предводительством Ивана IV не получили широкого освещения в летописании, так как потерпели неудачу. Поход 1552 г. оказался победоносным, поэтому рассказы о нем наиболее содержательны, но если отбросить все уточнения, то становится ясно, что экспедиции 1547-1550 гг. и кампания 1552 г. имели одинаковые цели и масштабы.

По нашему мнению, решение о военном подчинении ханства было принято не позднее 1547 года. Утверждение завоевательных планов необходимо рассматривать в контексте венчания Ивана IV на царство. Очевидно, что эти события взаимообусловлены: подчинение «Казанского царства» делало великого князя царем в глазах русского общества и служило аргументом в пользу признания царского титула на международной арене. С другой стороны, в сознании тюрко-татарских народов царское (ханское) титулование, формально уравнивавшее положение Ивана IV и потомков Джучи, делало московского государя законным претендентом на ханский престол в Казани.

Современники сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Завоевание Казани сравнивалось с важнейшими событиями всемирной истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. Аналогичные сюжеты содержатся в памятниках живописи, посвященных завоеванию Казани. Следовательно, взятие Казани в сознании русского общества знаменовало избавление от многовековой татарской угрозы, торжество истинной веры и обретение царства — начало нового этапа русской государственности.

Таким образом, множество факторов обусловило московско-казанские конфликты. В период становления межгосударственных отношений имело место соперничество Москвы и Казани за политическое и торговое влияние в Вятской и Пермской землях. В то

же время, правительство Ивана III стремилось вовлечь Казанское ханство в войну с Большой Ордой. После разгрома Большой Орды и ухудшения русско-крымских отношений борьбу за «Казанский Юрт» начали и крымские ханы, поддерживавшие стремление казанцев к самостоятельности. Активные наступательные действия казанцев, предпринятые в 1536-1540 гг., лишь усилили концентрацию русских войск у восточных границ и ускорили процесс разработки и принятия планов по завоеванию ханства. Несмотря на то, что официальные идеологи связывали войну с Казанью, прежде всего, с защитой христиан от басурманского гнета, в источниках проскальзывает мысль и об экономических выгодах подчинения ханства.

Необходимо учесть, что большую часть времени из рассмотренного нами хронологического отрезка занимали мирные отношения. Прежде всего, это пора развития торговых и социокультурных связей. Известно о ежегодных ярмарках, в рамках которых велась интенсивная торговля. Письменные источники и данные археологии говорят о постоянном присутствии русских купцов в Казанском ханстве и позволяют установить некоторые предметы торговли. На казанских рынках приобретались, главным образом, восточные товары: шелк, хлопчатобумажные ткани, жемчуг, ювелирные украшения, а также пряности и лекарства. Непосредственно у жителей ханства русские купцы покупали изделия из кожи, лошадей и ценные породы рыбы. В Казанское ханство ввозили соль, железо, льняные ткани и некоторые другие товары.

С конца XV в. в поселениях Среднего Поволжья увеличивается число носителей русской культуры, занимавшихся торговлей, ремеслом и промыслами. В то же время, жители ханства, сохраняя привычный образ жизни и веру, переходили на русскую службу. Таким образом, в ходе московско-казанских отношений началось взаимопроникновение культур и складывание многонационального и поликонфессионального российского общества.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Аксанов А.В. Русские летописцы о московско-казанских отношениях в 1496 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 71–75 (0,33 п.л.).

2. Аксанов А.В. Московско-казанская война 1487 года // Тюменский исторический сборник. Вып. X. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 80-84 (0,25 п.л.).

3. Аксанов А.В. «Первая казанская война» 1467-1469 годов // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Вып. 6 (Отечественная история). Мурманск, 2007. С. 112-117 (0,41 п.л.).
4. Аксанов А.В. Московско-казанская война 1487 года глазами русских летописцев XV-XVI веков // Историк и его эпоха: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова (24-25 апреля 2007, Тюмень). Тюмень: Типография «Печатник», 2007. С. 17-18 (0,15 п.л.).
5. Аксанов А.В. Московско-казанская война 1505-1506 годов на страницах официального летописания // Актуальные направления исследований молодых ученых: Материалы региональной научно-практической конференции аспирантов и соискателей (Нижевартовск, 23 апреля 2008 года). Нижевартовск: НГТУ, 2008. С. 5-8 (0,22 п.л.).
6. Аксанов А.В. Московско-казанская война 1505-1506 годов на страницах официального летописания // Тюменский исторический сборник. Вып. XI. Тюмень: Вектор Бук, 2008. С. 197-200 (0,25 п.л.).
7. Аксанов А.В. Первая казанская война 1467-1469 гг. на страницах Московского летописного свода конца XV в. // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 86-89 (0,38 п.л.).
8. Аксанов А.В. Центонно-парафразный метод в исследовании летописных известий о московско-казанских отношениях // Диалог культур и цивилизаций. Материалы X Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 113-114 (0,28 п.л.).
9. Аксанов А.В. Русские летописи и памятники дипломатических отношений о первом воцарении хана Шах-Али в Казани // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 9-10 апреля 2009 года). Нижевартовск: НГТУ, 2009. С. 222-224 (0,12 п.л.).
10. Аксанов А.В. Герменевтический анализ летописных известий о московско-казанских отношениях XV-XVI веков // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20-22 апреля 2009 г., г. Тюмень). Тюмень: Мандр и К°, 2009. С. 220-224 (0,27 п.л.).
11. Аксанов А.В. Московско-казанские отношения в 1521 году // Тюменский исторический сборник. Вып. XII. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2009. С. 77-81 (0,25 п.л.).
12. Аксанов А.В. Русские летописи конца XV века о московско-казанской войне 1467-1469 годов // Средневековые тюрко-татарские государства.

Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 4-8 (0,52 п.л.).

13. Аксанов А.В. Московско-казанские отношения во второй половине XV-начале XVI века глазами русских летописцев // Лучшие выпускные квалификационные работы 2008 года: Сборник статей: В 4-х частях. Ч. 2: Государственно-правовое и историко-документальное направления. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2009. С. 70-75 (0,51 п.л.).

14. Аксанов А.В. Основание Свияжска в русском летописании XVI в. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы XI Всероссийской научной конференции молодых исследователей. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 115-116 (0,25 п.л.).

15. Аксанов А.В. Последнее правление хана Шах-Али в Казани // Тюменский исторический сборник. Вып. XIII. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2010. С. 104-109 (0,34 п.л.).

16. Аксанов А.В. «Казанская кампания» хана Мамука глазами русских летописцев XVI в. // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения» (Тюмень, 18-19 мая 2010 г.). Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2010. С. 11-14 (0,32 п.л.).

17. Аксанов А.В. Московско-казанские отношения XV-XVI веков в трудах отечественных историков // 10 ЛЕТ ПОСЛЕ МИЛЛЕНИУМА: НОВОЕ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ (история, политика, когнитивные практики). К 65-летию Института истории и политических наук ТюмГУ: Сборник статей всероссийской научной конференции: Ч. I. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 3-9 (0,55 п.л.).

18. Аксанов А.В. Поход хана Мамука на Казань в свете официального русского летописания XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Ихлас, 2010. С. 40-43 (0,43 п.л.).

Подписано в печать 31.03.2011. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч. изд. л. Формат 60х84/16. Заказ 245.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

152